
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 316.7

<http://doi.org/10.2441/2310-1679-2023-350-5-14>

Виталий Сергеевич СЛЕПОКУРОВ,

доктор философских наук, профессор,
первый проректор, проректор по учебно-методической деятельности,
Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: slepokurov.v@yandex.ru

Аннотация: В контексте наиболее опасных проявлений глобального гуманитарного кризиса рассмотрены теоретические основания социокультурной практики диалога культур и практический аспект ресурса традиционной народной культуры. С позиции теории соционормативного регулирования культуры рассмотренные примеры социокультурных практик представляют собой исторический комплекс саморегуляции культуры. Именно этого механизма лишена модель культуры западного образца, основу которой составляет диктат, директива, подменяющая собой диалог культур в живой социокультурной практике, подменяющая осмысление пережитого опыта его дискредитацией – искажением истории в угоду сиюминутным политическим интересам.

Ключевые слова: геополитические вызовы, глобальный гуманитарный кризис, культура, система образования, социокультурное проектирование будущего, диалог культур, стратегическое целеполагание.

Для цитирования: Слепокуров В. С. Геополитические вызовы и стратегическое целеполагание системы российского образования в сфере культуры // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2023. №3 (50). С. 5–14. <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2023-350-5-14>

GEOPOLITICAL CHALLENGES AND STRATEGIC GOAL SETTING OF THE RUSSIAN EDUCATION SYSTEM IN THE FIELD OF CULTURE

Vitaly S. Slepokurov, DSc in Philosophy, Professor, First Vice-Rector,
Vice-Rector for Educational and Methodological Activities,
Moscow State Institute of Culture, Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: slepokurov.v@yandex.ru

Abstract: In the context of the most dangerous manifestations of the global humanitarian crisis, the theoretical foundations of the socio-cultural practice of the dialogue of cultures and the practical aspect of the resource of traditional folk culture are considered. From the standpoint of the theory of socio-normative regulation of culture, the considered examples of socio-cultural practices represent a historical complex of self-regulation of culture. It is precisely this mechanism that is lacking in the Western-style model of culture, which is based on diktat, a directive that replaces the dialogue of cultures in living sociocultural practice, that replaces the comprehension of the experience experienced by discrediting it – distorting history in favor of momentary political interests.

Keywords: geopolitical challenges, global humanitarian crisis, culture, education system, socio-cultural projection of the future, dialogue of cultures, strategic goal setting.

For citation: Slepukurov V. S. Geopolitical challenges and strategic goal setting of the Russian education system in the field of culture. *Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts*. 2023, no. 3 (50), pp. 5–14. (In Russ.). <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2023-350-5-14>

Гуманитарный разворот науки во второй половине XX века предопределил внимание теоретиков к наметившимся тектоническим сдвигам в области культуры, которые принципиально меняют научные представления о ресурсной базе и перспективах цивилизационного развития (Х. Ортега-и-Гассет, П. Бурдье, М. Кастельс и др.). Многие современные геополитические вызовы обусловлены игнорированием политическими элитами доминионов западной цивилизации глубинных механизмов воспроизводства культуры. Преодоление негативного влияния глобального гуманитарного кризиса на социально-экономическое и цивилизационное развитие нашей страны без рационального использования ресурсов культуры не представляется возможным. Это положение, в свою очередь, указывает на ключевую роль образования в сфере культуры и искусств в социокультурном проектировании будущего. Соответственно, особую остроту приобретает существенный методический вопрос о стратегическом целеполагании системы образования отрасли в свете геополитических вызовов.

Артикуляция геополитических вызовов и их анализ, по существу, сводится к правильной постановке текущих и стратегических задач, решение которых составляет содержательную часть культурной политики в её непосредственной связи с политикой международной, национальной, молодежной, научно-технической, информационной.

К наиболее опасным проявлениям глобального гуманитарного кризиса для будущего, с опорой на базовые стратегические документы государственной культурной политики Российской Федерации, отметим следующее:

1. снижение интеллектуального и культурного уровня общества;
2. девальвация общепризнанных ценностей и искажение ценностных ориентиров;
3. рост агрессии и нетерпимости, проявления асоциального поведения;

4. деформация исторической памяти, негативную оценку значительных периодов истории, распространение ложного представления об исторической отсталости наших народов;
5. атомизация общества – разрыв социальных связей (дружеских, семейных, соседских), рост индивидуализма и пренебрежения к правам других людей, к представителям других национальностей и национальных культур [11].

Эти факторы создают непосредственные угрозы национальной безопасности государства в области культуры, которые сводятся к размыванию традиционных духовно-нравственных ценностей и ослаблению единства народа путем внешней культурной и информационной экспансии (включая распространение низкокачественной продукции массовой культуры), пропаганды вседозволенности и насилия, расовой, национальной и религиозной нетерпимости, а также к снижению роли наших языков и культур в мире, к попыткам фальсификации мировой истории и противоправным посягательствам на объекты культуры.

Вопрос о стратегическом целеполагании систем образования отрасли культуры в свете геополитических вызовов, таким образом, решается на высшем уровне государственного управления, если под государством понимать не механизм обслуживания интересов транснационального капитала, как трактуют ведущие западные аналитики, – а высшую форму коллективного самосознания проживающих на суверенной территории народов, т. е. социокультурный феномен, как рассматривают российские культурологи.

Эксплицируя это базовое положение в практическую область планирование деятельности конкретных учреждений образования отрасли культуры, следует подчеркнуть, что коллективное самосознание не является исключительно теоретической моделью или абстракцией. Как социокультурный феномен оно остается пластичным, проявляя важнейшее из системных свойств культуры в целом [5, с. 93]. Социокультурный феномен коллективного самосознания является результатом коллективной деятельности поколений на протяжении длительного исторического времени. Следовательно, сохранение и укрепление высшей формы коллективного самосознания (т. е. государственности) лежит в области организации и развития сложной совокупности различных форм коллективной деятельности.

Следует подчеркнуть, что только коллективная деятельность является источником базовых ценностей культуры, только в коллективной деятельности возникают и укрепляются механизмы производства и воспроизводства систем ценностей, на базе которых складываются культурная общность и коллективное самосознание.

Теоретически такая роль коллективной деятельности объясняется образованием общей сферы социальной практики, в которой вырабатываются

нормы саморегуляции культуры. В практическом же аспекте традиции народов России содержат ценный опыт воспроизводства культурной общности.

Чтобы сформулировать один из ключевых принципов международного сотрудничества на новом этапе цивилизационного развития и модернизации всех уровней системы художественного и культурологического образования, рассмотрим теоретический и практический аспекты формирования культурной общности и коллективного самосознания на конкретных примерах.

Теоретический аспект можно рассмотреть на примере основных положений модели соционормативного регулирования культуры. Наглядно она представлена схемой иерархии уровней соционормативного регулирования культуры (см. Рисунок 1).

Иерархическая структура модели указывает на обусловленность культурного порядка высшего уровня сформированными на предшествующем уровне нормами. Высший (интерпретационный) уровень включает в себя нормы интерпретации индивидом или сообществом социокультурной реальности, который складывается из проверенных на практике (средний уровень) базовых норм (исходный базовый уровень).

В механизме самоорганизации общества, кроме неперсонифицированных, используются и другие регуляторы, в частности директивные, предполагающие наличие конкретных субъектов, отдающих распоряжения исполнителям. В отличие от директивных регуляторов, ставящих в жесткие рамки поведение индивидов, социокультурные нормативные регуляторы обеспечивают индивидам свободу волеизъявления, возможность сознательного выбора линии поведения, соответствующей нормативным требованиям. За рамками свободы волеизъявления предложенная схема не функционирует. Именно свободный выбор индивидом нормативов деятельности

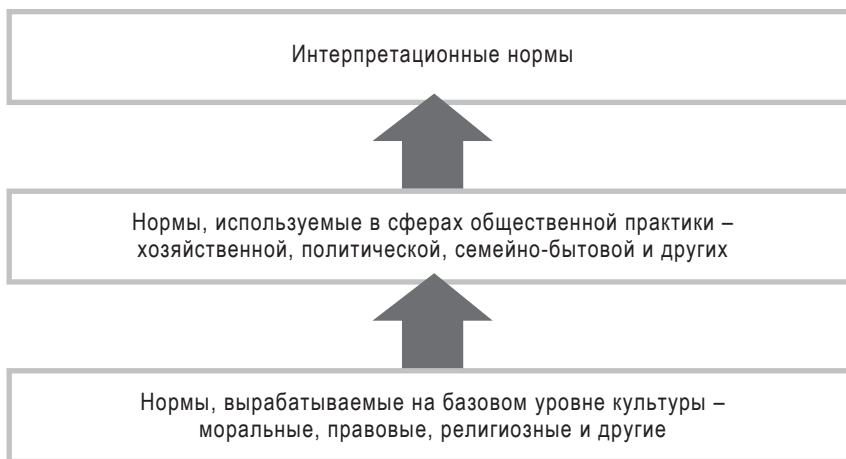

Рисунок 1. Модель соционормативного регулирования культуры

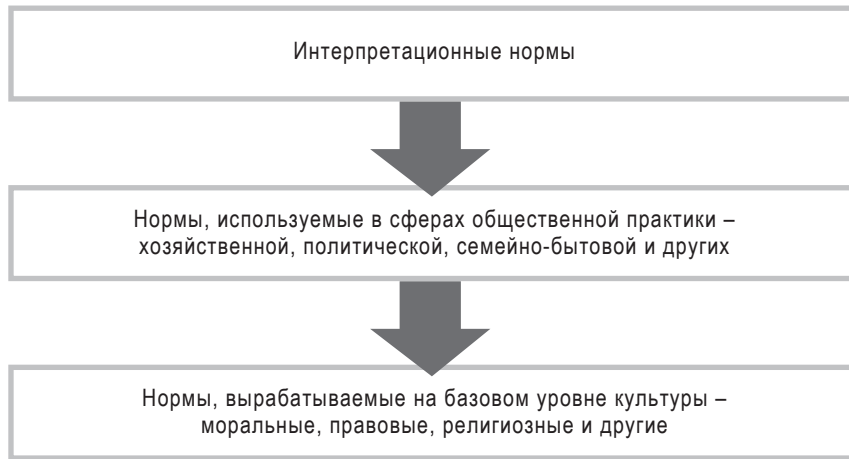

Рисунок 2. Схема директивного управления правовой культурой

обеспечивает преемственность и взаимную обусловленность уровней соционормативного регулирования культуры в процессе самоорганизации общества. В этом заключается одна из базовых функций социальной коммуникации – отбор успешных стратегий и технологий деятельности в процессе пространственно-средовой ориентации элементов социокультурных систем, к которым следует относить и индивида, и коллективные коллаборации для осуществления целерациональной деятельности [4]. В схеме стрелки указывают на коммуникационную связь уровней соционормативного регулирования культуры, т. е. представленная модель не мыслится вне постоянно протекающего процесса социальной коммуникации.

Из приведенной выше схемы директивные регуляторы исключены. Тем не менее, без директивного управления не обходится ни одна организация, ни одна ведомственная вертикаль исполнительной власти, ни одно сообщество, нацеленное на реализацию общих интересов. По мнению одного из ведущих теоретиков реляционной теории коммуникации Роберта Крейга, кибернетическая модель коммуникации (директивная), основанная на широко известной схеме Пирса-Соссюра, доминирует и в теоретическом дискурсе, и в практиках управления [13]. Хотя, как известно, в рамках теории самоописания семиотических систем закреплено положение об исключительности «телеграфной» модели коммуникации, описанной Соссюром, не отражающей все многообразие возникающих в обществе коммуникационных связей [8], все же, учитывая, что любая директива базируется на интерпретационных нормах или сама является формой интерпретации реальности (иначе её исполнение входит в противоречие с реальностью и исключается из практики), необходимо схематично обозначить директивный канал в рамках социальной коммуникации (см. Рисунок 2).

Рисунок 3. Схема цикла регулятивно-директивного управления правовой культурой в политической коммуникации

На схеме (см. Рисунок 2) наглядно представлено, что директивное управление непосредственно влияет на область общественных практик и лишь опосредованно практиками может в некоторой степени изменять нормативы базового уровня соционормативного регулирования культуры.

Линейные схемы, наглядно представляющие иерархические связи, далеко не всегда в полной мере раскрывают специфику циркуляции информации в социальной коммуникации.

Скорости и объемы движения информации обуславливают необходимость циклических схем [9]. В частности, отображение цикла соционормативного регулирования культуры с учетом места в нем директивного управления позволяет наглядно представить инверсию регулятивных норм (стрелка «регуляция») в директивы (стрелка «управление») рационального управления на уровне их интерпретации, а также превращение рациональной директивы в нормы регулирования и самоорганизации общества на базовом уровне культуры (см. Рисунок 3).

Доминирование в западном теоретическом дискурсе кибернетической (директивной) модели коммуникации [13], выраженной упрощенной телеграфной схемой, обуславливает и стратегию культурной экспансии, и деградацию международной правовой культуры, поскольку исключает из управления область социальных практик, строящихся на диалоге и разрешающих диалектико-диалогическую напряженность конфликта директивы и самоуправления (Рисунок 4).

Опосредованность развития культуры социальными практиками, где применимы и директивы управления, и регулятивное волеизъявление, с позиций реляционной теории коммуникации (Л. Бакстер, Ф. Курен, Р. Т. Крейг

и др.) образует сферу диалектико-диалогической напряженности конфликта директивы (управления) и выбора (самоуправления). На позиции реляционной теории значительное влияние оказала диалогическая концепция культуры М. М. Бахтина. Получившая развитие в творчестве В. С. Библера [7] и А. С. Ахиезера [3] диалогическая концепция культуры позволяет современным российским культурологам осуществлять социокультурный мониторинг текущей ситуации, является одной из передовых. Это обуславливает стратегическое преимущество в области методического обеспечения культурной политики [1].

В отличие от западной директивной стратегии культурной экспансии, стратегия культурной политики России строится с учетом закономерностей развития культуры и более широкой трактовки социальной коммуникации. Это выражено, прежде всего, в отказе от одностороннего доминирования управляющего центра (модели советского времени) в пользу многосубъектности культурной политики и в установке на поиск и развитие новых её субъектов в гражданском обществе.

Необходимо отметить, что регулятивные нормы инертны в силу продолжительного времени их выработки. Они должны быть освоены непосредственно в социальных практиках, чтобы обеспечить ориентиры пространственно-средовой ориентации элементов социокультурных систем (люди и их социальные коллаборации), отразившись в символах успеха деятельности [4] Как символы успеха деятельности на базовом уровне (мораль, религия, обычное право и пр.) они влияют на нормы деятельности в социальных практиках и задают рамки интерпретации реальности на высшем интерпретационном уровне. Директивы, как один из способов интерпретации реальности, необходимы, чтобы компенсировать инертность регулятивных норм, ускорив коммуникационный цикл обновления реальности (см. Рисунок

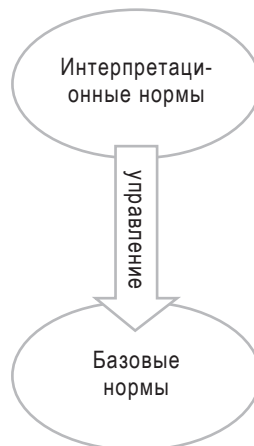

Рисунок 4. Схема директивной экспансии в управлении правовой культурой

3). Рациональное управление основывается на транслируемых обществом регулятивах, но задает директивные установки, которые общество в социальных практиках перерабатывает в нормы базового уровня.

Спецификой политической коммуникации в сфере культуры является сложная совокупность практик интерпретации реальности, в которую помимо юридического нормотворчества входит богатейший пласт языков культуры: виды искусств и художественного творчества, символика бытового общения (сленг, говор и пр.), жилища, одежды и др.

Переходя к практической применимости изложенных выше теоретических соображений, необходимо отметить, что предложенная схема цикла регулятивно-директивного управления правовой культурой в политической коммуникации (Рисунок 3) может масштабироваться в зависимости от области интерпретации реальности. Схема применима в любом виде художественного творчества или в различных формах социокультурной деятельности.

Изучение, сохранение и возрождение нематериального культурного наследия, является актуальной программой стратегического развития. Подчеркнем: программой не только теоретического осмысления прошлого, но и практического его освоения для построения будущего. С позиции теории соционормативного регулирования культуры, – это пример социокультурной практики, освобожденной от прямого директивного вмешательства, пример саморегуляции культуры. Именно этого механизма лишена модель культуры западного образца, основу которой составляет диктат, директива, подменяющая собой диалог культур в живой социокультурной практике, подменяющая осмысление пережитого опыта его дискредитацией – искажением истории в угоду сиюминутным политическим интересам.

Непосредственно в целеполагании систем образования в сфере культуры следует указать на бесценный ресурс диалога культур. Диалог культур, который включает в себя не только межкультурные горизонталы, но и вертикаль исторического времени, в отличие от практики культурной экспансии порождает новые смыслы на базе пережитого поколениями исторического опыта, закрепленного в нематериальном наследии традиционной культуры народов. Он препятствует снижению интеллектуального и культурного уровня общества, девальвации общепризнанных ценностей и искажению ценностных ориентиров, росту агрессии и нетерпимости, проявлениям асоциального поведения, деформации исторической памяти и негативной оценке истории. Прямой диалог культур как живая целерациональная социокультурная практика представляет собой совокупность мероприятий, основанных на коллективном участии в значимых культурных событиях представителей народов разных самобытных культур. Именно коллективная деятельность является базовым механизмом созидания, сохранения и освоения культурных ценностей, низводящих риск атомизации общества

до маргинального уровня контрпродуктивной девиации индивидуализированного сознания.

Соответственно, международные конгрессы, фестивали народной и академической культуры, разнообразные выставки, смотры, конкурсы и совместные концерты, пропагандирующие высокие достижения художественного мастерства в различных видах искусств в условиях нарастающих рисков глобального гуманитарного кризиса обретают непреходящее значение. Образование же в сфере культуры и искусств призвано обеспечить кадрами столь значимую отрасль социокультурного проектирования будущего.

Список литературы

1. *Астафьева О. Н.* Дискурсивные концептуализации культурной политики // Государственное управление и развитие России: проектирование будущего. Сборник статей международной конференц-сессии (Москва, 17–21 мая 2021 г.). Москва: Научная библиотека, 2022. С. 10–20.
2. *Астафьева О. Н.* Коммуникативная модель культурной политики: конвенциональность и когерентность дискурсов и понятий // Культурная политика: от стратегии государства – к управленческим решениям организаций. Сборник статей. Материалы Научно-методологического семинара «Культура и культурная политика» ИГСУ РАНХиГС при Президенте РФ (2020–2021 гг.). Москва: Согласие, 2022. С. 28–46.
3. *Ахиезер А. С.* Сфера Между и ее осмысление // Общественные науки и современность. 2009. № 5. С. 125–133.
4. *Бакуменко Г. В.* Процесс символизации успеха как принцип пространственно-средовой ориентации элементов социокультурных систем // Политика и общество. 2015. № 7 (127). С. 964–977.
5. *Бакуменко Г. В.* Ценностная динамика символов успеха: на материале статистики кинопроката. Москва: Сам Полиграфист, 2021. 276 с.
6. *Бакуменко Г. В., Лугинина А. Г.* Виртуализация социокультурного фронта «tertius romae» // Журнал фронтальных исследований. 2022. Т. 7. № 1 (25). С. 265–293.
7. *Библер В. С.* На гранях логики культуры: Книга избранных очерков. Москва: Русское феноменологическое общество, 1997. 440 с.
8. *Лотман Ю. М.* Семиосфера / ред. Н. Г. Николаюк, Т. А. Шпак. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 2000. 704 с.
9. *Моль А.* Социодинамика культуры. Москва: ЛКИ, 2008. 416 с.
10. Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации / А. Ф. Андреев, И. В. Бернацких, А. С. Богданов [и др.]. Москва: РГГУ, 2021. 604 с.
11. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года (с изменениями на 30 марта 2018 года) // АО «Кодекс», 2023 [Электрон-

ный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420340006> (дата обращения 30.04.2023).

12. Хезмондалиш Д. Культурные индустрии / пер. с англ. И. Кушнаревой; под науч. ред. А. Михалевой; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. 456 с.
13. Craig R. T. Communication Theory as a Field // Communication Theory. 1999. Vol. 9. Is. 2. P. 119–161. (P. 120–121).